

18+

Сергей Тучков

Ј

История американского
Эдипа

Сергей Тучков

Ж. История американского Эдипа

«Издательские решения»

Тучков С.

Л. История американского Эдипа / С. Тучков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745827-0

Молодой и впечатлительный русский эмигрант открывает для себя современную Америку, едва не становится жертвой изощренного преступления, но в итоге помогает его раскрыть.

ISBN 978-5-44-745827-0

© Тучков С.
© Издательские решения

J

История американского Эдипа

Сергей Тучков

*Обитатели Кадмеи, посмотрите на Эдипа
На того, кто был великим, кто ни зависти сограждан,
Ни судьбы уж не боялся, ибо мыслью он бесстрашной
Сокровеннейшие тайны Сфинкса древнего постиг.
Посмотрите, как низвергнут он Судьбой! Учитесь, люди,
И пока пределов жизни не достигнет без печали,
И пока свой день последний не увидит тот, кто смертен, —
На земле не называйте вы счастливым никого.*

Софокл. «Царь Эдип»

© Сергей Тучков, 2024

ISBN 978-5-4474-5827-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Джереми никогда не нравилось его настоящее имя. Он считал его «лузерским» и просил окружающих называть его просто Джейм. Джей! Всего одна буква (J на английском), а сколько в ней смысла!

– Джей. Просто Джей. Это как выстрел из Магнума сорок пятого калибра, – говорил он каждый раз, когда кто-то интересовался, как же его зовут на самом деле – Джонатан, Джеймс или Джастин.

Обычно после этой фразы Джей наставлял на собеседника указательный палец и несколько раз спускал воображаемый курок: – Джей! Джей! Джей! Потом сдувал с воображаемого же длинного ствола дым и добавлял: – Бьет наповал!

Джей считал этот трюк своей «коронкой». Впервые он использовал его еще в High school на выпускном. Тогда все вышло случайно. Выходя в коридор из шумного зала, битком набитого танцующими школьниками, он лоб в лоб столкнулся с девушкой. «Симпатичная... Кто-то из одноклассников пригласил. Везет же придуркам» – успел подумать Джей до того, как руки незнакомки сплелись на его шее, а ее язык оказался у него во рту.

– Привет, я Мэгги! – сказала девушка, оторвавшись от губ Джея. – А как зовут моего сегодняшнего ебара?

Отупевший от такого напора, выпитого алкоголя и внезапной эрекции восемнадцатилетний девственник стоял как вкопанный.

– Ну? – огромный шар из жвачки лопнул перед его носом. – Че молчишь? Не нравлюсь что ли?

– Эээ... Джей, – пролепетал он первую букву своего имени.

– О! Джей! Как круто! Это как выстрел из Магнума! – воскликнула на весь зал Мэгги и, притянув его за ремень вплотную к себе, прошептала: – У тебя есть презики, ковбой?

Так Джереми стал Джейм. За сорок пять лет, прожитых с той ночи, он довел трюк с Магнумом до совершенства. Джей использовал его везде – и на свиданиях, и на деловых переговорах. Ну а если собеседника нужно было сразить наповал, на столе перед ним появлялась визитка:

Так мы с ним и познакомились. Джей был соседом тетюшек моей жены – двух добрейших и очень веселых женщин, у которых я провел свои первые месяцы в Америке, и любил зайти на воскресный Borscht. Каждый раз, после первой же ложки, он на секунду картинно замирал, закрывал глаза и тихо, медленно и четко, почти по слогам, говорил заранее придуманную им шутку о борще. Что-то вроде «Это лучшая красная жидкость от Техаса до Джорджии!». Или «Меня зовут Борщ. Джей Борщ». Шутка недели непременно вознаграждалась рюмочкой Stol, после которой у Джея развязывался язык и он рассказывал историю из своей жизни. Обычно это было что-то легкое и веселое, вроде «Сказки о потерянной невинности». Все смеялись, аплодировали, и на этом Borscht-party считалась закрытой. Но однажды (это было примерно через месяц после нашего знакомства) Джей пропал. Никто из соседей не знал, где он. А когда, два борща спустя, он позвонил в дверь, вошел и сел за стол, привычный сценарий нарушился. То ли водки в тот раз было выпито больше, чем обычно, то ли Джей просто решил, что мы уже достаточно близко знакомы... В общем, после очередной выпитой рюмки он закрыл лицо руками и просидел так около минуты. Когда он, наконец, поднял голову, я увидел в его глазах слезы.

– Я хочу рассказать тебе то, что еще никому никогда не рассказывал. Настоящую историю моей жизни, – тихо сказал Джей.

Было настолько необычно и удивительно слышать подобное от американца, что я поначалу принял это за очередную шутиливую домашнюю заготовку. Дело в том, что главный культ Америки – культ счастья. Не успеха, не денег даже, а именно счастья. Здесь всегда и у всех все ОК. Если разбудить бродягу на улице вопросом «Как дела?», с вероятностью, близкой к ста процентам, он ответит: «ОК!» Здесь есть даже поговорка «Чем хуже дела, тем шире улыбка!». Эта широкая улыбка и вечное ОК казались мне, как и большинству русских, лицемерными и отвратительными.

– Я знаю, я тебе отвратителен, – начал он свою историю. – Да мне и самому от себя иногда блевать хочется. У меня было все – любовь, семья, дети, большой красивый дом. Я все просрал. Дети уехали и не хотят меня знать, деньги потрачены, дом превратился в старую развалину. Как и я сам. Я старая развалина, да еще и мудака, каких поискать. Я понимаю это, но не могу ничего изменить. Я просто хочу рассказать тебе, почему я такой.

Джей быстро наполнил рюмку и выпил.

– Пойдем на улицу. Покурить хочется, – выдохнул он мне в лицо облако алкогольных паров из своего желудка.

Мы расположились в уютных плетеных креслах под навесом на заднем крыльце дома и закурили.

– Сколько мы не виделись? – спросил он после первой глубокой затяжки.

– Ровно две недели.

– А у вас в России водятся панцирники?

– Вряд ли. Климат не тот, – ответил я, представляя что-то вроде южноамериканского броненосца.

– Ну а ты вообще рыбачишь? Шуку ловил когда-нибудь?

Я гордо развел руки в стороны в любимом рыбацком жесте:

– Вот! Личный рекорд прошлым летом установил – пять с половиной кило. Двенадцать фунтов по-вашему.

– Неплохо, – усмехнулся он и, выдержав театральную паузу с пусканием колец из дыма, сделал контрольный в голову моему уязвленному самолюбию: – А я в двенадцать лет панцирника поймал на двадцатку с лишним.

– Да что за панцирник-то такой? – нервно спросил я, уже открыв Гугл в телефоне.

– Ну это как твоя щука, только в два раза больше, и башка не сплюсчена, как клюв утки, а вытянута, как пасть аллигатора, и сотни огромных зубов торчат наружу.

– Ага, вижу, – открыл я первую ссылку, – какая-то прям доисторическая тварь. Не знал, что такие до сих пор водятся.

– Да! Представляешь, – оживился Джей, – человек живет на Земле максимум 50 тысяч лет, а эта тварь – 50 миллионов! И я понимаю почему. Это просто воплощение ярости. Представь, что Майк Тайсон на пике карьеры решил уйти из бокса и заняться сногглаголем, и вот плывет он такой, разглядывает через маску как колышутся на дне причудливые водоросли в пробившихся через толщу воды лучах закатного солнца, а тут ты со своей говняной удочкой – хуяк! И всаживаешь ему блесну за щеку! Вот что такое двадцатифунтовый панцирник, мой друг.

– Сколько, ты говоришь, тебе было, когда ты Тайсону за щеку засадил? – спросил я, сохраняя недоверчивый прищур, но уже не в силах сдержать улыбку от метафоры Джея.

– Двенадцать, – внезапно посерьезнел Джей, никак не отреагировав на мою шутку. В тот момент он смотрел на меня, но взгляд его был направлен в обратную сторону – внутрь себя. Я почувствовал, что он вспомнил что-то важное, что мгновенно захватило его целиком. – А? Что? – встрепнулся он через пару секунд.

– Так ты вытащил его, Джей?

– Кого?

– Щитомордника или как его там... Рыбу-Тайсона?

– А! Панцирника? Ну да, – улыбнулся он, будто очнувшись от дурного сна. – Вытащил, но я хочу рассказать тебе совсем о другом. В тот день я повзрослел. Резко, в мгновение. Это было как озарение, как аксиома, как щелчок тумблера, понимаешь... Только что ты сосал титьку, за тебя все делали другие, а потом бац – и все! Ты сам принимаешь решения. Тогда я впервые подумал, что могу убить своего отца, а потом принял осознанное решение оставить его в живых. Пока. И как только я понял, что могу казнить и миловать по своему усмотрению, я повзрослел.

– Погоди, погоди, – удивился я. – Ты же не маньяк какой-то, чтобы просто так убивать людей. Тем более отца.

– Я расскажу тебе немного о нем, а ты уж сам реши, маньяк я или нет, и если нет, то кто тогда маньяк, окей?

Я кивнул.

– Мой отец меня не любил. Сколько я себя помню, я всегда это знал. Это что-то вроде инстинкта самосохранения. Наверное, это осталось в нас еще от пещерных людей, или вообще от зверей. Люди не ценят любовь, потому что не чувствуют угрозы от тех, кто их любит. Зато злость, ненависть мы чувствуем кожей. Они несут опасность. Любовь мягко обволакивает, тихо

шепчет, нежно ласкает, незаметно заботится. Счастливы те, кто видит ее с самого начала. Большинство же просто не замечает любви. Страх другой. Он не медлит. Ты чувствуешь его сразу. Сотни маленьких игл впиваются сзади под коленки, а одна большая – в самое сердце.

Джей достал из пачки новую сигарету, постучал фильтром о ручку кресла, чтобы утрамбовать табак и, увидев, что я наблюдаю за его манипуляциями, заметил:

– Так они становятся крепче и медленнее сгорают. Так о чем я?

– О страхе.

– А, ну да. У всех детей есть свой страх. Кто-то боится темноты, высоты, кто-то пауков или змей. Я боялся отца. Он всегда был строг со мной. Но это не была строгость ради воспитания, ради дисциплины. Это была холодная, безразличная и очень, очень эгоистичная строгость. Это была строгость натянутой цепи по отношению к собаке, или строгость айсберга, раздирающего борт «Титаника». Я долго надеялся, что отец на самом деле не злой, что это жизнь сделала его таким, и вся его холодность – лишь панцирь, защищающий от других, по-настоящему злых людей. Я знал, что после смерти моей матери ему пришлось нелегко: один, без помощи родителей, без денег и влиятельных друзей, с годовалым ребенком на руках, с утра до вечера, как робот на конвейере, он вскрывал гнойники сентиментальным наркоманам, щупавшим медсестер за зад, ампутировал пальцы набожным автомеханикам, осенявшим крестным знаменем своих культий каждого встречного в больничных коридорах, доставал пули из невезучих коллекторов и их клиентов, лежавших затем в одних палатах и вместе распевавших Синатру и баптистские гимны на весь этаж, в общем, делал ровно то, что полагалось делать хирургу небольшого госпиталя в черном районе на юге Атланты, где мы тогда жили. И делал бы он это до самой пенсии, если бы не Дорис.

– Что за Дорис?

– Мне было всего четыре, когда двадцатилетняя Дорис Шерман – моя будущая мачеха, упала с лошади в загородном клубе для миллионеров, а приглашенный туда же на свадьбу друзей тридцатитрехлетний хирург Лоуренс Айзексон в два счета вправил ей вывих. Перед смертью, будучи уже прикованной к постели, но еще оставаясь в здравом уме, Дорис очень любила вспоминать момент знакомства с отцом. «Понимаешь, Джей, – говорила она мне, – девушке трудно устоять, когда Марлон Брандо ощупывает ее бедра и спрашивает голосом Синатры, что она чувствует». На самом деле, – Джей усмехнулся – в свои лучшие годы отец дотягивал внешностью, максимум, до Боба Хоупа (в не самый удачный период карьеры последнего). Что до его голоса, то это было нечто среднее между криканием Дональда Дака и звуком весеннего лягушачьего хора. Но если Боб Хоуп брал улыбкой, то отец даже не пытался быть дружелюбным. Я смотрел на него и мечтал о машине времени. Мне хотелось щелкнуть тумблером и увидеть его ребенком, играющим во дворе родительского дома в Нью-Джерси в 30-м, рядовым с Томмиганом в руках, прыгающим из лодки под свист пули на нормандский песок летом 44-го, наконец, молодым вдовцом, плачущим над гробом умершей через год после свадьбы жены. Я до сих пор так и не понял, что именно сделало его внутренний мир мрачнее его внешности – гены, детские комплексы, три месяца мясорубки на фронте или ранний уход моей матери и тяжелые годы, следовавшие за этим...

Несколько секунд, глядя в пол, Джей драматично водил указательным пальцем по краю пустой рюмки до тех пор, пока я не наполнил ее новой порцией «Столичной». По-американски, без тоста и не чокаясь, мы быстро выпили, и его взгляд заметно потеплел.

– Дорис была полной противоположностью отца – продолжил он. – Если говорить о внешности, то я бы, пожалуй, сравнил ее с Мэрилин Монро – та же лишённая острых углов фигура, пухлые, немного капризные губы, взгляд с поволокой и, конечно, грудь! О! Боги! Если б ты видел ее сиськи, Майк! Представь себе две бодрые дыньки среднего размера, почти всегда наполовину обнаженные, с торчащими сосками (она любила декольте и ненавидела лифчики) и загорелой ложбинкой между ними. Когда видишь такую женщину, ты просто замираешь

и не можешь понять, чего хочешь больше – сосать ее как младенец, или трахать как бык. Эээ, так о чем я?.. А! Ну да! У тебя, наверное, возник резонный вопрос, зачем роскошным сиськам с миллионами в банке выходить за задрота с сотней баксов в кармане?

Я закивал.

– Ну тогда наливай и слушай дальше. Они поженились через полгода после знакомства, и Брандо-Синатра с маленьким сыном переехал из тесной квартирки с проходящими за окном поездами в дом с колоннами и гуляющими по окружающему его поместью ручными оленями. Дорис была богата настолько, что могла позволить себе никому не объяснять причины очевидного мезальянса. Тем более что они лежали на поверхности. К сожалению для нее и к счастью для нас с отцом, сексапильная наследница миллионного состояния практически не имела шансов найти себе мужа среди отпрысков благородных семейств консервативного Юга. Во-первых, Дорис была бесплодной, во-вторых, хромой от рождения – ее левая нога получилась на пару сантиметров короче правой. Ну и, наконец, в-третьих, женитьба на Дорис неизбежно влекла за собой, как сейчас говорят, репутационные риски. Ее мать умерла при родах, а отец, богатый джорджийский промышленник и заядлый курильщик, скончался от рака легких, едва дочь окончила колледж. Когда тебе двадцать лет, на счету в банке – столько же миллионов, а вокруг – неизведанный мир, трудно удержаться от соблазнов и не пуститься во все тяжкие. Многочисленные, скоротечные, но очень бурные романы Дорис широко обсуждались в «приличных домах» Атланты, что напрочь лишило ее шансов найти себе партию среди юношей своего круга. С учетом всего вышеперечисленного, случайно подвернувшийся кавалер, пусть бедный и с обременением в виде малолетнего сына, но зато дипломированный врач, да еще и ветеран войны, оказался весьма кстати. К тому же вскоре, благодаря таланту и трудолюбию отца, помноженному на деньги и связи Дорис, его карьера пошла в гору, и было уже сложно сказать, кто в этом браке более успешен – жена, ни дня не работавшая по полученной ценой отцовских усилий, нервов и денег специальности и обязанная всем своим богатым предкам, или муж – знаменитый хирург, спасший сотни жизней простых смертных, пяти банкиров, пары сенаторов и даже одного кандидата в президенты США.

– Извини, что перебиваю, Джей, – разрушил я благодатную картину, – но я не совсем понимаю, зачем сыну знаменитого хирурга, который ни в чем не нуждается, бегаёт по огромному поместью, кормит с руки оленей в тени цветущих магнолий и в принципе имеет все, что только может пожелать мальчик его возраста, убивать своего отца.

Джей завис в детских воспоминаниях. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы превратиться из счастливого ребенка в несчастного взрослого.

– Та-дам! – воскликнул он театрально, – а вот теперь настало время панцирника! Мне было 12. Все время я проводил с Дорис, отца почти не видел, поэтому, когда он велел мне к вечеру пятницы собраться на рыбалку, я не поверил своему счастью. У отца был целый арсенал снастей, спиннингов и всевозможных приспособлений для приманивания, выуживания, подтягивания и хрен знает чего еще. Все они были аккуратно разложены в многоэтажных коробках по классам, размерам, типам погоды и видам рыб – зимнее утро/летний вечер, маленький басс/большая щука и так далее до плюс бесконечности. Думаю, даже в операционной у отца порядка было меньше по той простой причине, что доступ туда был открыт не только ему, но и куче других людей – от ассистентов до уборщиков. Зато к ящикам со снастями прикасаться мог только один человек во вселенной – он сам, поэтому и выглядели они как витрины ювелирного. Не меньше половины блесен – а это около сотни – отец сделал сам. Обычно на выходные он запирался в гараже и что-то пилил, точил, гнул и шлифовал, а к вечеру воскресенья выходил оттуда со скрюченной проволокой в руке и взглядом напившегося крови вурдалака. Все ужины с понедельника по среду были посвящены обсуждению преимуществ №53 с вращающимся лепестком перед №52 с колеблющимся, а с четверга по субботу – особенностям еще не воплощенного в жизнь проекта №54, сочетающего в себе достоинства всех

предыдущих и напрочь лишенного их недостатков. И знаешь в чем прикол? – оживился вдруг Джей.

– В чем?

– На рыбалку времени не было, – тут он впервые за все время нашего разговора хлопнул себя по коленям, запрокинул голову и искренне захохотал. – Поэтому, – продолжил он, вытирая слезы, – ровно в 5.30 утра, в субботу, 2 мая 1964 года у дверей гаража на Норсуэст Пичтри стрит, 1025, Атланта, Джорджия, по стойке смирно стоял двенадцатилетний Джереми Айзексон Джуниор, в костюме из плотной ткани защитного цвета, такого же цвета шляпе с накомарником, ботинках «как у Индианы Джонса», с висящим за плечами школьным рюкзаком, в который накануне вечером, когда Джереми уже спал, его заботливая мачеха Дорис вместо книг и ручек аккуратно уложила смену белья, дождевик и коробку с сэндвичами. Я ждал отца и думал только об одном: какой из его прекрасных спиннингов сегодня достанется мне? Дверь гаража резко открылась изнутри. «На вот!» – буркнул отец, протягивая мне старую бамбуковую удочку. – Ну, бери, чего надулся? Да, старая, зато крепкая! Новую заслужить еще надо».

– А где рыбачили? И что за приманки тогда использовали? – перебил я Джея, увлекшись рыболовной частью его рассказа.

– Ну палка у меня была бамбуковая, как ты уже знаешь, катушка – обычный инерционный барабан безо всяких подшипников, фрикционов и прочих приبلуд. Снасть – обычная толстая леска, а приманка – что-то вроде огромной мухи из беличьего меха, примотанного грубой ниткой к стальному тройнику со свинцовой головкой. Свинец давал необходимую для заброса тяжесть, а мех – плавучесть. А! Вот еще что! Важная деталь – армированный поводок. Приманку цепляли к леске только через него, иначе при первой же поклевке с блесной можно было попрощаться. Джорджия – это тебе не Мичиган какой-нибудь. Тут столько зубастой живности водится, особенно, на озере Ланье – одних бассов, минимум, пять видов, а еще щука, окунь, судак и, конечно, мечта любого спиннингиста – длиннорылый панцирник. Тот медную проволоку перекусить может, не то, что леску...

– Так вы на Ланье ездили? Это миль сорок на северо-восток от Атланты – знаю, знаю, – попытался я показать свою осведомленность.

– Да ничего ты не знаешь! – отрезал Джей. – Ланье тогда и сейчас – это как Хиросима до бомбежки и после. Бьюфордскую дамбу построили где-то в середине 50-х. К 64-му рыба уже успела расплодиться, а люди по берегам – еще нет. Не было ни пляжей, ни отелей, ни пробок из катеров в протоках. Мы взяли у местных обычную весельную лодку – вернее, отец взял, потому что я-то остался на берегу – и часов в 8 сделали первый заброс. Было уже довольно жарко, поэтому отец отплыл на четверть мили – туда, где в прохладной глубине скрывалась крупная рыба, а я остался у машины. Какое-то время я завистливо наблюдал за тем, как отец раскладывает в лодке свои многочисленные ящички, долго выбирает подходящую блесну, цепляет ее, забрасывает, как лепесток блестит в полете, поворачиваясь к солнцу то серебристой, то золотистой стороной, а после того, как он, коснувшись воды, исчезал из вида, я представлял, как он играет в глубине и за ним, словно крысы за волшебной дудочкой, стайей идут голодные бассы.

– Да ты настоящий поэт, – заметил я уже без капли иронии.

– А рыбалка и есть поэзия, – не менее серьезно ответил мне Джей. – Хочешь, докажу?

– Валяй!

– Там, как в любом искусстве – три этапа. Первый – рождение надежды, когда ты долго готовишься, с вечера, а то и несколько дней, мечтаешь о трофее, подбираешь под него снасти, ложишься спать с желанием поскорее проснуться, и снится тебе в эту ночь именно та рыба, о которой ты мечтал, только в два раза больше и в сто раз красивее. Утром ты как зомби – все на ходу и на автомате – глотаешь кофе и сэндвич и прыгаешь в машину, а оказавшись на берегу, судорожно разматываешь снасть и бросаешь – раз, другой, третий...

– А она все не клюет...

– Да, да! – живо подхватил Джей. – Ты начинаешь злиться, хаотично менять приманки, а поклевки все нет. И наступает второй этап – разочарование. Тут главное – отвлечься, не важно, как. На кого-то нападает жор, кто-то скручивает косячок, большинство же просто бросает удочку и глушит досаду алкоголем. И вот, когда после третьей рюмки или четвертого сэндвича ты лежишь у костра, уже махнув рукой на свои мечты, когда уже прозвучали сигнальные фразы про то, что атмосферное давление резко изменилось, местные всю рыбу сетями вычерпали и вообще, лучше было не переться в такую даль в такую рань, а спать до обеда в законный выходной, – вот именно в этот момент, и ни минутой раньше или позже, наступает оно – то, что роднит поэта, художника и рыбака. Робкое и одновременно смелое до жути, противоречивое и такое очевидное, подкравшееся откуда-то из самых мрачных глубин твоего подсознания, мать его, озарение!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.